

УДК 821.161.1-1

Е.В. Хинкиладзе

«УЛЬМСКАЯ НОЧЬ» М. АЛДАНОВА КАК ОСНОВА ЕГО ВЗГЛЯДОВ НА ИСТОРИЮ

Творчество М. Алданова в последние годы все чаще попадает в поле зрения исследователей, сосредоточившихся преимущественно на его исторической беллетристике. От работ обзорного характера, вводящих творчество писателя в научный оборот [4; 5], литературоведы двигаются к исследованиям отдельных сторон его наследия. Об этом, в частности, свидетельствует прекрасная работа О. Лагашиной «Историософский роман Д. Мережковского и М. Алданова» [3], в которой предпринята успешная попытка сопоставления особенностей этой жанровой разновидности исторического романа у обоих писателей. Появились также работы, посвященные его очеркам-портретам, публицистике.

Но все же о полноценном осмыслении творчества писателя пока говорить рано. До сих пор, в сущности, вне поля зрения остается не лежащая на поверхности связь между всеми его произведениями, которые можно считать соединенными общим историософским

замыслом. Это соответствует и представлениям модернизма о том, что все стороны творчества писателя направлены на выражение какой-либо одной, все связующей, идеи. Еще историк русской литературы в эмиграции, Г. Струве, писал: «В первые же шесть лет эмиграции им было написано четыре исторических романа, за которыми последовало еще десять романов (неравной длинны) о прошлом и настоящем, связанных между собой в некий сложный, нелегко поддающийся расшифровке, узор» [2, с. 87]. Позднее в том же обзоре исследователь вновь заметил: «Ко всем этим вещам, связанным между собой неким единством замысла...» [2, с. 182], имея в виду соединенность между собой всего, что написано М. Алдановым.

Предмет нашего интереса – специфика его взглядов на историю, основой которых, по общему признанию ученых, являлось представление о всеобъемлющей власти Случая. В трактате «Ульмская ночь: философия случая», опубликованном уже в 1953 г., он изложил представления («узор», по слову Г. Струве), которые, на наш взгляд, следует учитывать при анализе его наследия. Во всяком случае, именно эти идеи могут стать своего рода ключом к проникновению в творческий замысел писателя.

М. Алданов обращается к редкой форме рефлексии, специфику которой объясняет в главе «От автора»: «Форма диалога почти вышла из употребления в философии и даже, быть может, подает, если не основания, то повод для упрека в «дилетантизме». Ей свойственны, однако, и некоторые преимущества. Разумеется, философский диалог имеет мало общего с разговором в романе или в театральной пьесе. Он по природе условен: в жизни люди не говорят длинных речей, не приводят длинных цитат. Автор считает возможным еще усилить условность выбранной им, по разным соображениям, формы тем, что в подстрочных примечаниях дает ссылки на цитируемые книги. Зато эта форма освобождает его работу от стилистических эффектов, которые в философских книгах всегда казались ему особенно неприятными и недопустимыми. Она может также служить некоторым смягчающим обстоятельством для многочисленных «отступлений в сторону», составляющих один из важных недостатков книги» [1]. Используя классическую форму рассуждения – диалог,

традиция которого восходит, как известно, еще к античности, он обозначает буквами двух говорящих: Л. и А. – Ландау (наст. фам. писателя) и Алданов (его псевдоним). Центральные темы этого произведения не только обосновывают историософскую концепцию писателя, но и пронизали его беллетристику, публицистику, очерки-портреты, драматургию.

«Диалог об аксиомах», открывающий этот трактат, представляет собой, наверное, наиболее сложную его часть, в которой речь идет об озарении, снизошедшем на Декарта в Ульме в ночь с 10 на 11 ноября 1619 г. и его последствиях. «Целый день он проводил ваперти, в избе, где имел достаточно времени, чтобы собрать мысли, – приводит говорящий фрагмент из книги биографа Декарта. – Вначале это была лишь прелюдия воображения. Он смелел постепенно, переходя от идеи к идее. Свобода, данная им своему, не встречающему препятствий гению, незаметно привела его к опровержению всех других систем. Он решил раз навсегда отделаться от всех своих прежних взглядов... Огонь овладел его мозгом. Он впал в состояние восторга..., его стали посещать сны и видения. Декарт говорит нам, что 10 ноября он лег спать в состоянии крайнего энтузиазма. Ему показалось, что в этот день он постиг основы изумительной науки. Ночью ему снилось..., что Бог указывает ему дорогу, по которой следует направить жизнь в поисках правды» [1]. Это озарение, по мысли автора, предопределило всю философскую систему Декарта. Рассуждая о ней, участники диалога приходят к мысли о том, что его способ рассуждения исключает целесообразность революций, каждая из которых делает порядок вещей еще хуже, чем был прежде, а также особую систему моральных ценностей. «Ведь все-таки он был «в другой плоскости», – говорит Л., – почти как Флобер, который совершенно серьезно утверждал, что лет через пятьдесят такие слова, как «прогресс», «демократия», «социальная проблема», будут звучать столь же комически, как сентиментальные выражения 18-го столетия, вроде «сладких уз сердца» [1]. Очевидные иллюзии на современность позволяют автору продемонстрировать актуальность и вневременной характер взглядов Декарта. Так же актуально звучат и рассуждения о роли случая в истории в контексте теории вероятностей.

Участники диалога, опираясь на теории множества мыслителей разных эпох, дают несколько определений того, что такое случай. А. полагает: «Случай есть все, что происходит в мире, его возникновение, создание планеты Земля, появление человечества на этой планете, его возможное в будущем исчезновение, рождение человека, его смерть, бесконечная совокупность больших, средних, малых явлений, все что «по законам природы» происходит во Вселенной. <...> С моей точки зрения, историю человечества, с разными отступлениями и падениями, можно представить себе как сознательную или бессознательную, героическую или повседневную, борьбу со случаем» [1]. Л., наоборот, утверждает, что при таком понимании, борьба со случаем невозможна или, во всяком случае, бесперспективна, поскольку синонимом «случая» в данном случае является «судьба»: «...Никто никогда не толковал историю человечества, как процесс борьбы со случаем, – настаивает он, – и никто не связывал случай с законами природы. Может быть, я сегодня умру от удара или меня кто-нибудь убьет, – это будет, если хотите, случай. Но то, что я рано или поздно умру непременно, – это уже не случай, а закон природы, очень для нас печальный» [1]. Рассуждая о том, как мыслители мира понимали случай и теорию вероятностей, говорящие пришли к выводу о том, что систему взглядов самого А. можно определить как «философию случая».

В диалоге о роли случая в истории на конкретных примерах разворачиваются положения этой философии. Так, гибель Наполеона при подходах к русским границам или в первых сражениях, круто изменила бы ход войны и всей европейской истории, но те, кто применяют теорию вероятностей, «должны в принципе отвергать роль личности в событиях...» [1]. Это касается, в первую очередь, таких исторических деятелей, как Наполеон или, скажем, Гитлер, решения которых трудно предугадать. «Война и есть истинное торжество случая. Искусство выдающегося полководца именно заключается в умелом, талантливом, смелом использовании тысячи благоприятных случайностей...» [1]. На разных примерах А. доказывает свою теорию: они в общем повторяют важнейшие темы творчества М. Алдана – наполеоновские войны, Девятое термидора, события, предше-

ствовавшие перевороту и следовавшие за ним, октябрьская революция и пр. Каждое из этих событий, рассмотренных сквозь призму случая, оказывается не неизбежным. «Его тема, – справедливо заметил Г. Струве, – это ирония судьбы, для него суета сует – лейтмотив всей истории человечества» [2, с. 183]. Но в его трактате намечена тема, которая, конечно, далека от «суеты сует»: идея «красоты-добра» как основа этики.

Л. предположил, что для А. «красота-добро» является «идеей вечной, существовавшей и существующей с древних времен?»: «А. – Именно. Когда мы называем вечной ту или другую идею, то обычно имеем в виду, что она периодически возвращается после долгих лет забвения. <...> Эта же идея никогда и не исчезала, хотя были великие мыслители, которым она была чужда» [1]. Поскольку понятие «красота-добро» соединило в себе центральные идеи и этики, и эстетики, участники диалога рассматривают его в широком историческом, философском и социокультурном контексте, выходя к ключевым проблемам современности. «Гитлер и Рузвельт были современниками, но если бы они встретились и поговорили друг с другом «откровенно», то понадобились бы услуги не только переводчика-лингвиста, но и, так сказать, переводчика от морали. <...> То, что я назвал «Ульмской ночью», то, что я называю «картезианским состоянием ума», уже предполагает выбор в аксиоматике» [1]. Собеседники обращаются к проблемам моральности искусства, цинизма в нем, размышляют над влиянием идеологии на живопись, литературу и пр. С сожалением Л. говорит о том, что «долго, очень долго, не будет в мире той отстоявшейся, прочной, не катастрофической или «акатастрофической» обстановки, которая необходима для Торжества в искусстве принципа «красоты-добра» [1]. Ставя под сомнение доказанность каждой из трех идей собеседника – случай, выборную аксиоматку и идею «красоты-добра», Л. побуждает его обосновать связь между ними, начиная с борьбы со случаем. А. полагает, что борьба возможна со случаем несчастным, а счастливый, поможет человечеству реализовать позитивные идеи, в т.ч., и «красоты-добра». Завершается диалог размышлениями о русских идеях и о тресте мозгов, которые дают возможность подытожить иногда далекие

от современности идеи остро актуальными и нередко болезненными для говорящих темами.

«Ульмская ночь» названа Г. Струве книгой размышлений. В некотором смысле он был прав, поскольку в этом произведении разговор ведется между двумя вымышленными собеседниками, за каждым из которых стоит автор. Вместе с тем, форма диалога-полемики позволила М. Алданову представить две точки зрения, каждая из которых выводит к ключевым моментам его представлений об истории, воплощенным в творчестве. Единый замысел или «узор», отмеченный историком литературы русской эмиграции, состоял в том, чтобы закономерности наиболее важных событий мировой и русской истории объяснить их отсутствием.

Причем путь, который для этого избирал писатель, состоял в осмыслении места и роли отдельных личностей в событиях, круто повернувших ход самой истории. Это, конечно, исторические фигуры различного масштаба, а также люди, казалось бы, прожившие свою жизнь на обочине крупных исторических событий. Его многочисленные исторические романы, очерки-портреты связаны единым замыслом, обусловленным попыткой объяснить причины Великой французской революции, террора, наполеоновских войн и поражения в России. М. Алданов, как справедливо говорит Г. Струве, подводит своими романами ко времени, «заполненному Толстым в «Войне и мире», а затем обращается к концу XIX в. и двигается к октябрьскому перевороту. Там, где он останавливается как романист, в свои права вступает автор очерков-портретов, которые как бы заполняют исторические периоды или события, которых он не коснулся в романах. Эта целостность организована тематически, лейтмотивно, иногда части его замысла объединяют общие для них герои, в отдельных произведениях можно отметить и текстуальные переклички. Но подлинное единство обеспечено мыслью о том, что в истории главенствующее положение занимает случай, борьба с которым или действие по его воле ведут к тем или иным историческим событиям. Герои М. Алданова – люди различного морального облика, и проблемы морали, т.е. определенного выбора в критической ситуации, имеют определяющее значение для их последующей судьбы и хода истории.

Потому, вероятно, Г. Струве полагал, что его романы «столь же историко-философские, сколь и историко-психологические, и постепенно история вытесняется из них психологией. <...> В лучших его романах достаточно действия, а об их занимательности говорит их успех у широкой публики, русской и нерусской, но не это в них главное. Из трех элементов романа – действия, характеров и стиля – два последних в романах Алданова, по меньшей мере, равноправны с первым» [2, с. 89]. Понимая мировую историю как «большую», а судьбы людей как историю «малую», писатель строит свои произведения так, что цепь «малых» историй включается в историю «большую», полную трагедий, переворот, а к XX в. – испепеляющих человечество конфликтов и войн.

При таком взгляде на единство наследия писателя закономерным является вопрос о позиции автора, поскольку очевидно, что она должна быть выражена определенно. Г. Струве полагал, что она в произведениях М. Алданова не выдержана, с чем сложно согласиться. Учитывая его философию истории, которую нередко называли комментарием к его романам, следует, во-первых, говорить о его позиции пессимиста, которая сквозит во всех его произведениях. Второе, на что следует обратить внимание – это всеобъемлющая ирония, сомнение во всем, что кажется известным. Это приводит и к наличию в произведениях иронического авторского комментария, и к пересмотру известных исторических фактов, и к стремлению предложить их иное прочтение. Все это создает острую занимательность его беллетристики.

Представления М. Алданова об истории интересны сами по себе. Но их оригинальность лучше и вернее может быть понята лишь в контексте исторических воззрений его предшественников и современников, но эта тема должна стать предметом отдельного исследования.

Литература

1. Алданов М. Ульмская ночь. Философия случая / М. Алданов. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/alदानow_m_a/text_0100.shtml.

2. Струве Г. Русская литература в изгнании / Глеб Струве. – 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья [Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вст. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского]. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. – 448 с.

3. Лагашина О. Историсофский роман Д. Мережковского и М. Алданова. Дис. на соискание ученой степени магистра (русская литература) / Олеся Лагашина. – Тарту, 2004. – 109 с.

4. Чернышев А. Четыре грани таланта Марка Алданова / А. Чернышев // Алданов М. Избранные произведения. – ТТ. 1-2. – М., 1991. – Т. 2. – С. 494 – 507.

5. Чернышев А.А. Материк «Марк Алданов»: Неизвестная часть / А. Чернышев // Алданов М. Портреты. – М., 1994. – С. 5 – 43.

Анотація

К.В. Хінкіладзе. «Ульмська ніч» М. Алданова як основа його поглядів на історію.

У статті здійснено спробу осмислення проблематики книги М. Алданова «Ульмська ніч» як основу його поглядів на історію та як центр його історисофської концепції. Показано, що найважливіші ідеї цього трактату – це влада випадку, вибірна аксіоматика та ідея «краси-добра» – не лише пояснюють розумінням письменником логіки ходу історії, але поєднують усі частини його творчої спадщини. У цьому творі, що є класичною формою діалогу, розмова відбувається між двома вигаданими співбесідниками, за кожним з яких є власне сам автор. Вона дозволила М. Алданову показати два погляди, кожен з яких спрямовує до ключових моментів його уявлень про історію, втілених у творчості. Єдиний задум усіх творів письменника полягає у поясненні закономірностей найбільш важливих подій світової і російської історії саме їх відсутністю. Справжня єдність обґрунтовується думкою провідного значення випадку в історії, боротьба з яким або здійснення ситуацій з його волі призводять до тих або інших історичних подій.

Ключові слова: діалог, історисофська концепція, виборна аксіоматика, випадок, ідея «краси-добра».

Аннотация

Е.В. Хинкиладзе. «Ульмская ночь» М. Алданова как основа его взглядов на историю.

В статье предпринимается попытка осмыслить проблематику книги М. Алданова «Ульмская ночь» как основу его взглядов на историю, как

центр его историософской концепции. Показано, что важнейшие идеи этого трактата – власть случая, выборная аксиоматика и идея «красоты-добра» – не только объясняют пониманием писателем логики хода истории, но и скрепляют воедино все части его творческого наследия. В этом произведении, написанном в классической форме диалога, разговор ведется между двумя вымышленными собеседниками, за каждым из которых стоит автор. Она позволила М. Алданову представить две точки зрения, каждая из которых выводит к ключевым моментам его представлений об истории, воплощенным в творчестве. Единый замысел всех произведений писателя состоял в том, чтобы закономерности наиболее важных событий мировой и русской истории объяснить их отсутствием. Подлинное единство обеспечено мыслью о том, что в истории главенствующее положение занимает случай, борьба с которым или действие по его воле ведут к тем или иным историческим событиям.

Ключевые слова: диалог, историософская концепция, выборная аксиоматика, случай, идея «красоты-добра».

Summary

K.V. Khinkiladze. «Ul'mska noch» of M. Aldanov as the basis of his views on history.

An attempt to comprehend the problems of M.Aldanov's book «Ul'mska noch» as the basis of his views on history and as the center of his historical and philosophical conception is made in the article. It has been proved that the major ideas of this treatise are the matter of case, the axiomatics and the idea «beauty-good» not only explains the author's understanding of the logic march of history, but combines all the parts of his oeuvre. In this work which is written in the classic form of a dialogue, a talk takes place between two invented interlocutors each of them represents the author's views. This work allowed M.Aldanov to represent two different points of view, each of them shows the key moments of his understanding of history. The unique idea of all author's works consisted in the explanation of the absence of laws in the most essential events of world and the Russian history. The real unity is grounded on his opinion that the matter of case plays the key role in history and the fight against it results in the occurrence of all the historical events.

Keywords: dialog, historical and philosophical conception, axiomatis, case, the idea of «beauty-good».